

Не то чтобы Гу Чэнь была мелочной или злопамятной, постоянно держа в голове эти пустяковые дела, просто в последние годы Павильон Таньюэ всё больше терял свою репутацию, и не только она одна была недовольна их действиями. Нынешний Павильон Таньюэ уже не был тем знаменитым и уважаемым местом, каким он был в прошлом. Хотя и нельзя сказать, что его имя стало полностью запятнанным, но, по мнению Гу Чэнь, он уже не был чем-то выдающимся.

В свете таких её мыслей, признание Юнь Жань в том, что она является главой Павильона Таньюэ, стало для Гу Чэнь довольно сильным ударом. Причина же заключалась в том, что Гу Чэнь искренне симпатизировала этой молодой княжне. Несмотря на то, что восемнадцатилетняя девушка была прикована к постели болезнью, это не сломило её дух. Ещё до того, как Гу Чэнь встретила её лично, она обратила внимание на незаконченную картину «Цветы сливы» на её столе. Ветви на картине гордо тянулись вверх, и хотя мастерство художника было не самым выдающимся, в мазках чувствовалась непоколебимая сила характера.

Как врач, Гу Чэнь признавала, что она восхищалась такой силой духа. Даже если Юнь Жань не проявляла ярких эмоций, это не мешало Гу Чэнь испытывать к ней симпатию. За все эти годы болезни девушка не стала раздражительной или вспыльчивой, напротив, она оставалась мягкой и спокойной. В её глазах словно скрывался источник чистой воды, и её улыбка могла развеять любые тревоги, пусть даже на мгновение.

Но как такая девушка могла стать главой Павильона Таньюэ? Гу Чэнь просто не могла связать эти два образа воедино! Она была уверена, что у Юнь Жань должны быть веские причины, по которым она оказалась в такой ситуации, что её контролирует кто-то другой, например, её приближённая Цин Луань!

Однако она ошиблась.

Обещанный разговор, который должен был состояться позже, так и не продолжился. Юнь Жань действительно слегла с лёгкой лихорадкой, и когда Гу Чэнь провожала её обратно, девушка уже была в полубессознательном состоянии, почти полностью обмякнув на руках Гу Чэнь, которая едва ли не несла её на руках. Гу Чэнь прописала ей новые лекарства, и после того, как Цин Луань помогла ей принять их, Юнь Жань крепко уснула, не имея сил продолжить свой рассказ. Глядя на её спящее лицо, Гу Чэнь лишь тихо вздохнула, опустила полог кровати и дала Цин Луань несколько указаний по уходу, оставив ей также коробку из грушевого дерева со снежным лотосом, объяснив, как его использовать для заваривания.

— Молодая глава, подождите, — Цин Луань, держа коробку из грушевого дерева, догнала Гу Чэнь.

В маленьком дворике трёхцветные фиалки мягко колыхались на ветру. Гу Чэнь, одетая в простую шёлковую одежду, стояла рядом с цветами, её волосы были высоко собраны в пучок, придавая ей вид отшельника. Однако её губы были плотно сжаты, и, услышав голос Цин Луань, она остановилась, машинально потянувшись к своей тыкве-горлянке с вином. К сожалению, она оказалась пуста — вино было выпито, и она ещё не успела её наполнить.

— Что случилось?

Цин Луань выглядела несколько растерянной, но, сжав зубы, опустилась на одно колено перед Гу Чэнь:

— Молодая глава, за все проступки моей сестры Цин Юань я готова понести наказание. Прошу вас, будьте милосердны и дайте ей противоядие, чтобы спасти её жизнь!

— А если я откажусь? — Гу Чэнь оставалась безучастной. — Ты просишь лекарство для неё, но почему не для себя? Сестра Цин Луань, не забывай, что ты тоже отравлена моим ядом!

На губах Цин Луань появилась горькая улыбка:

— Пока вы здесь, вы сможете защитить нашу княжну. Я готова служить вам. Но Цин Юань — это другое дело. Вы не знаете, насколько опасен Павильон. Если её внутренняя сила будет заблокирована, моя сестра окажется на грани смерти! Прошу вас, дайте ей лекарство!

Маленькая зелёная бутылочка появилась перед Цин Луань. Гу Чэнь оставалась холодной:

— Я врач, а не убийца, который проливает кровь без сожалений. Мои предыдущие слова были преувеличением, чтобы напугать тебя. Я действительно дала ей яд, но он отличается от твоего. На Цин Юань я нанесла лишь порошок для отслеживания, который смывается после ванны. Лучше позаботиться о себе.

Передав бутылочку, Гу Чэнь понимала, что её яд был слишком сильным. Она изначально намеревалась довести дело до конфронтации, но ситуация развивалась совсем не так, как она ожидала. Эта служанка терпела боль всё это время. Её яд вызывал жгучую боль в области даньтянь при любой попытке использовать внутреннюю силу, и чем сильнее она пыталась подавить её, тем больнее становилось. Эта правая рука Павильона оказалась преданной и стойкой, терпя боль молча, думая только о своей сестре. Видя это, Гу Чэнь поняла, что Цин Луань, находясь рядом с Юнь Жань, была воспитана правильно.

Неплохо. На губах Гу Чэнь появилась лёгкая улыбка, и её шаги стали легче, пока она шла мимо трёхцветных фиалок.

Ночь была прохладной, и когда Гу Чэнь вышла из маленькой аптеки, полная луна уже висела в небе, её свет, подобный инею, освещал узкую каменную дорожку. Дорожка извивалась, и в её конце находился внутренний двор Юнь Жань. Что ж, Гу Чэнь признавала, что она действительно беспокоилась за Юнь Жань. Она медленно шла, думая, что лихорадка у девушки должна была уже спастись, но, учитывая, что она чуть не пострадала от её лекарств, а также её общую слабость, Гу Чэнь боялась, что что-то могло пойти не так. В конце концов, она уже задержалась с приготовлением лекарств, так что могла бы заглянуть к ней, ведь ей всё равно больше нечего было делать!

Тыква-горлянка снова висела у неё на поясе, покачиваясь в лунном свете, словно не обращая внимания на то, что уже была глубокая ночь. Во дворе только одна фонарная лампа висела под крышей, её золотистые кисточки мягко колыхались на ветру, словно приветствуя прибытие Гу Чэнь. Трёхцветные фиалки, которые днём радовали глаз своими яркими красками, теперь опустили свои головки, лишь несколько из них подняли свои лепестки, словно напоминая Гу Чэнь быть потише.

Княжна чутко спит, её нельзя будить. Гу Чэнь знала это.

Лёгким движением ноги она взлетела на крышу, где лежала Юнь Жань, сняла с пояса тыкву-горлянку и, подложив руку под голову, устремила взгляд на холодную луну в небе. Она причмокнула губами — это вино, выдержанное более десяти лет, действительно отличалось от обычных напитков. Оно было насыщенным, ароматным и восхитительным!

Она всё-таки не удержалась и открыла вино, которое Юнь Жань прислала ей. Как только она открыла кувшин, аромат вина заполнил комнату, и Гу Чэнь почувствовала, как её душа увлечена этим напитком. Она всегда считала себя умеренной в употреблении алкоголя, и её

небольшое увлечение было лишь способом насладиться моментом. Но после первого глотка этого вина она поняла, что её принципы могут пошатнуться.

Хотя, кто знает? Возможно, попробовав такой изысканный напиток, её вкус станет слишком избирательным, и если в будущем у неё не будет такого вина, она, возможно, вообще перестанет пить? Эта мысль вызвала у неё лёгкое сожаление. Глядя на луну, она поставила тыкву-горлянку на черепицу, издав негромкий звук. Она так увлеклась своими мыслями, что забыла, где находится, и не рассчитала силу!

Как только она отпустила тыкву, Гу Чэнь затаила дыхание, прислушиваясь, не разбудила ли она кого-то внутри. Действительно, этот человек спал настолько чутко? Она всего лишь слегка задела черепицу, и даже такой тихий звук мог её разбудить? Это было слишком!

Гу Чэнь почувствовала досаду. Лунный свет, падающий на неё, был холодным. Она скрестила ноги, прислушиваясь к звукам внутри комнаты. Не желая пугать нежную княжну, она решила заговорить:

— Извини, если разбудила тебя. Это было не специально.

Внутри комнаты Юнь Жань медленно убрала руку из-под подушки. Настороженность в её глазах постепенно исчезла, а на губах появилась лёгкая улыбка:

— Что ты здесь делаешь? Зачем ты снова забралась на мою крышу в такой час? Это же опасно, знаешь?

— Я твой врач. Разве я не могу проверить тебя?

— Конечно, можешь, — в глазах Юнь Жань была лёгкая ирония. — Может, спустишься вниз? Врачи обычно осматривают пациентов, а ты как собираешься это сделать с крыши?

— Нет, — Гу Чэнь, держа тыкву-горлянку, отказалась.

<http://bllate.org/book/16781/1543043>